

комментировании приведенного выше письма склонялся к такому же выводу («заглавие, измененное цензурой»⁵).

К сожалению, без рукописных источников текста достоверно установить различия между эпистолярным и журнальным вариантами названия не представляется возможным, между тем, как показано в рецензируемом издании, формулировка «деловой человек» вполне отвечает ироническому содержанию пьесы, в центре которой бездельник (с. 744). Добавим к этому и публикацию Гоголем пьесы с названием «Утро делового человека» в издании 1842 года. Поэтому мы полностью поддерживаем издателей в их предложении печатать пьесу из «Современника» с заглавием «Утро делового человека», а не «Утро чиновника», как делалось в некоторых более ранних изданиях.

Менее убедительной выглядит гипотеза Е. Г. Падериной со ссылкой на И. А. Зайцеву о связи дневниковой записи Пушкина о прототипе графини из «Пиковой дамы» Н. П. Голицыной с последующим написанием фамилии Гоголя с ошибкой: «Гогель по моему совету начал Историю Русской Критики».⁶ Как утверждается в комментариях, та самая Н. П. Голицына жила «в своем доме на углу Гороховой и Малой Морской, а Гоголь в 1834 г. жил наискосок через улицу — на Малой Морской в доме Лепена, и фамилия писателя в домовую книгу была записана с таким же искажением — Гогель» (с. 627). Ничего «примечательного» в «искажении фамилии» (с. 627) Гоголя, кажется, нет. Напомним, что «Гогелем» называли писателя в разное время М. П. Погодин, А. И. Тургенев, Ф. П. Толстой, А. Х. Бенкендорф да и сам Николай I. Кстати, жил последний тоже недалеко от Малой Морской улицы, однако вряд ли стоит видеть в этом скрытый смысл.

Также не совсем убедительным нам показалось желание И. Ю. Винницкого объяснить написание Гоголем драмы из английской истории «духом соперничества» (с. 1005) с истори-

ческими трагедиями Погодина и Н. В. Кукольника. Скорее речь должна идти об общей романтической установке на обращение к средневековой истории.

Бесспорно, такой масштабный проект не избежал недостатков, прежде всего многочисленных опечаток, некоторых неточностей и грамматических ошибок, которых не ждешь в подобном издании. На с. 791 указано, что сообщение о чтении произведений Гоголя М. С. Щепкиным было напечатано в «Московском телеграфе» в 1844 году, т. е. через десять лет после закрытия журнала Н. А. Полевого (в реальности это сообщение появилось в «Москвитянине»). На с. 789 названа гоголевская «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», при том что в заглавии произведения Гоголя сказуемое должно стоять в единственном числе (что, как известно, было принципиально для автора, потому что устанавливало источник ссоры). Довольно много в издании недопустимых корректорских оплошностей типа грамматических ошибок или отсутствия парных знаков (с. 590, 620, 747, 770, 870, 1055 и др.) и многочисленных отсылок к несуществующим в издании страницам — «см. 000 в настоящем издании» (с. 850, 851, 954, 1030). Однако это уже вопросы к корректорам издательства «Наука» (в книге ими значатся А. Ю. Обод, М. Н. Филатова).

В приложении к тому даны две пьесы, в переводе которых Гоголь принимал участие: «Сганарель» Ж.-Б. Мольера (текст подготовлен В. А. Врубель, Е. Е. Дмитриевой, комментарий Е. Е. Дмитриевой с использованием материалов В. А. Врубель и Л. Ю. Суrowsкой) и «Дядька в затруднительном положении» Дж. Жиро (текст подготовлен Е. Г. Падериной, комментарий в соавторстве с А. Л. Зориним). Совершенно правы комментаторы, утверждающие, что невозможно определить степень участия Гоголя в этих переводах, о которой мы знаем только по эпистолярному наследию современников (с. 1080). Однако их публикация объясняется установкой, заложенной Ю. В. Манном, на максимально полное собрание сочинений — подлинно академическое.

⁵ Там же. Т. 9. С. 366.

⁶ Дневник А. С. Пушкина. 1833–1835. М.; Пг., 1923. С. 12.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-262-265

© Т. В. Мисникевич

«НЕДОСТОВЕРНЫЕ» МЕМУАРЫ КАК ВОСКРЕШЕНИЕ ДУХА ВРЕМЕНИ*

Серия «Россия в мемуарах», выпускаемая издательством «Новое литературное обозре-

ние», по праву относится к числу ведущих гуманитарных проектов, которые дают возможность современному читателю приобщаться к культуре прошлого и изучать жизнь и быт предшествующих поколений. Ее специфика и принципы отбора мемуарных текстов анонсированы следующим образом: «...эта серия воспоминаний представителей разных социаль-

* *Бурнашев В. П.* Воспоминания петербургского старожилы: В 2 т. / Сост., автор предисловия, комм. и аннотированного указ. имен А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2022. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 504 с.

ных слоев, национальностей и профессий (дворян, крестьян, предпринимателей, политиков, интеллектуалов, сотрудников охранных отделений), живших в разные эпохи, которая призвана представить образ страны через повседневную жизнь». Книги, представляющие российский действительность от первой половины XIX века до 1980-х годов, адресованы широкому кругу читателей, интересующихся отечественным прошлым, а также ученым-гуманитариям, поскольку качество подготовки текстов, комментариев, приложений и указателей максимально приближено к академическому формату. Подобному уровню серия во многом обязана усилиям ее неизменного редактора А. И. Рейтבלата.

Среди изданий, вышедших в ее составе в 2022 году, — «Воспоминания петербургского старожилы». Их автор — Владимир Петрович Бурнашев (1810–1888), прозаик и публицист, популярный в 1870-е годы. Свою литературную деятельность он начал в 1828 году в «Отечественных записках», в 1830-е годы печатался в журналах «Гирлянда», «Сын отечества», «Детская библиотека», в газетах «Le Furet», «Северный Меркурий», «Русский инвалид» и приложениях к ней, «Северная пчела», в 1846–1852 годах редактировал «Экономическую хозяйственную общепользную библиотеку», в 1850–1856 годах — «Труды Императорского Вольного экономического общества», в 1867–1870 годах — «Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и Санкт-Петербургской городской полиции»; под псевдонимом Виктор Бурьянов выпускал книги для детей, публиковал пособия и статьи на сельскохозяйственные темы, руководства по ведению домашнего хозяйства, различным производствам (кожевенному, войлочному, роговому), составлял энциклопедии и словари. Литературную деятельность Бурнашев сочетал со служебной: в Департаменте внешней торговли Министерства финансов, в Военном министерстве, в Министерстве уделов, в Департаменте сельского хозяйства Министерства государственных имуществ, в канцелярии Капитула российских императорских и царских орденов, в Комитете разбора и призрения нищих, в канцелярии III отделения.¹

В русской литературе он оставил след прежде всего как автор мемуаров, представляющих культурную, общественную и бытовую жизнь второй четверти XIX века и характеризующих известных государственных и военных деятелей (М. М. Сперанского, Е. Ф. Канкрин, А. П. Ермолова, Д. Г. Бибикова, И. Н. Скобелева), писателей, критиков и издателей (А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. И. Греча, Ф. В. Булгарина, О. И. Сенковского), в том числе и авторов, ма-

лоизвестных на сегодняшний день, но сыгравших определенную роль в ту эпоху.

Первый том открывает статья составителя двухтомника «Анекдотист и летописец слухов»; ее интрига задается эпиграфом — экспромтом Д. Д. Минаева, воспроизведенным в книге С. Ф. Либровича «На книжном посту» (1916). Либрович, в свою очередь, определил Бурнашева как «первенца русской литературной богемы», дал короткую, но точную характеристику личности и деятельности литератора: «В его анекдотах, хотя и не всегда вполне достоверных и полных сплетен, было однако много интересных черточек для характеристики разных лиц. <...> Добрейший, но недалекий и очень наивный, он играл в собраниях писателей незавидную роль шута, которого терпели, над остротами и анекдотами которого смеялись, но которого в то же время и остерегались, зная, что Бурнашев, уходя из собрания, тотчас же записывал каждое слово, иногда немилосердно переписывая сказанное и приписывая тому или другому писателю такое мнение или суждение, какого он никогда и не высказывал».²

Оговаривая в начале вступительной статьи, что в ней не ставится задача описать жизненный путь Бурнашева и дать общую характеристику его воспоминаний, Рейтблат тонко и убедительно доказывает, почему не вполне достоверные с точки зрения фактов и реалий мемуарные тексты «известного враля и лжеца», по определению П. А. Вяземского, представляют большую ценность и заслуживают научной публикации: публицист сумел «исторически достоверно воссоздать атмосферу времени и репутации описываемых лиц. Нередко Бурнашев достаточно точно повествует о том, что видел и слышал сам, но наиболее ценен он там, где добросовестно фиксирует слухи, сплетни и анекдоты, циркулировавшие в русском обществе второй четверти XIX в. Сам слух может быть недостоверным, но он также является историческим фактом, и для правильного понимания событий прошлого нужно знать не только событийную сторону, но и то, что думали и говорили об этом современники. В этом аспекте Бурнашев незаменим: его многочисленные мемуарные очерки — настоящая энциклопедия слухов и афоризматически запечатленных литературных репутаций» (с. 16–17).

Исследователь анализирует особенности повествования Бурнашева, опираясь, в частности, на отклики современников литератора. Как свидетельство успеха мемуаров в начале 1870-х годов он приводит отзывы из рецензий В. П. Буренина, В. Г. Авсеенко, А. М. Скабичевского, С. Т. Герцо-Виноградского, суть которых сводится к признанию занимательности воспоминаний, изобилующих множеством подробностей — важного материала для изучения литературных нравов эпохи. Далее Рейтблат

¹ Подробнее об этом см.: Лепехин М. П. Бурнашев Владимир Петрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. А–Г. С. 370–372.

² Либрович С. Ф. На книжном посту. Пг.; М., 1916. С. 30.

останавливается на причинах, по которым тексты Бурнашева достаточно быстро стали объектом довольно жесткой критики. Ввиду наличия в них множества ошибок и неточностей, а также нарушения этических норм рецензенты буквально обрушились на Бурнашева. Как наиболее показательная в этой связи процитирована опубликованная в № 3 газеты «Гражданин» за 1873 год статья под говорящим названием «Современная хлестаковщина», автор которой призывал закрыть для Бурнашева доступ к печати.

Составитель издания делает акцент на том, что мемуарное наследие Бурнашева очень объемно, оно не ограничивается опубликованными работами. Исследователь провел кропотливую работу по изучению материалов личного фонда писателя в Рукописном отделе Пушкинского Дома, значительная часть которых до настоящего времени не введена в научный оборот. Прежде всего речь идет о мемуарных очерках второй половины 1880-х годов, подаренных или проданных Н. С. Лескову; часть этих очерков была написана по прямому заказу Лескова, опиравшегося на публикации Бурнашева в работе над «Левшой» и «Тупейным художником» и поддерживавшего нуждающегося литератора в последние годы его жизни.

Рейтблат останавливается на судьбе книги «Воспоминания петербургского старожила», подготовленной в 1873 году и проданной, согласно свидетельству самого Бурнашева в письме к Л. Н. Павлицеву, издателю М. О. Вольфу в октябре того же года (выход книги в нескольких томах должен был состояться в конце 1875 года, но после резкой критики текстов Бурнашева в печати Вольф отказался от данного проекта), а также на несущественной попытке публикации мемуарных очерков Бурнашева, предпринятой Ю. Г. Оксманом в 1930-е годы.

Важно, что в предисловии аргументированно скорректирована репутация Бурнашева «как автора недостоверных и местами лживых мемуаров» со ссылкой в том числе и на опыт работы ученых с его очерками, а также с опорой на собственный опыт комментирования текстов мемуаристов, реализованный в настоящем издании: «На мой взгляд, Бурнашев ничего не выдумывал с целью обмануть читателя. Он воспроизводил то, чему был свидетелем, пересказывал рассказы знакомых, а также слухи и анекдоты, которые бытовали в литературной среде. Однако его общение с литераторами было весьма фрагментарным, а деньги в первой половине 1870-х гг., когда в основном разворачивалась его мемуарная деятельность, ему были очень нужны, поэтому он растягивал и беллетризовал свои тексты <...> Память его порой подводит, а возможность проверять информацию в библиотеке у него была не всегда. <...> Бурнашев может неправильно привести имя и отчество известного лица, ошибиться в датировке события, но сами блоки, из которых он „складывает“ свою „конструкцию“, достоверны, то есть события имели место или, по крайней мере, о них шла речь» (с. 15–16).

В составе первого тома издания представлена статья Ю. Г. Оксмана «В. П. Бурнашев — газетчик и мемуарист середины XIX века», предназначенная для несостоявшегося издания книги в «Academia» и сохранившаяся в фонде ученого в РГАЛИ. В статье охарактеризовано развитие линии общественно-литературного поведения Бурнашева и специфика его мемуарного наследия.

Относительно отбора текстов самого Бурнашева составитель придерживается принципа избирательности по причине того, что мемуарное наследие литератора объемно и его полномасштабная публикация не соответствует формату серии. По мнению Рейтבלата, нецелесообразно было следовать и выбору Бурнашева при подготовке собрания его текстов для издания у М. О. Вольфа, поскольку он существенно изменил ранее опубликованные в периодике мемуары, ставшие именно в первоначальной версии литературным фактом, а также повторять состав сборника Ю. Г. Оксмана, планировавшего использовать только публикации в журналах, посвященные литераторам. Состав настоящего издания Рейтблат характеризует следующим образом: «...в сборник были включены те мемуарные очерки, которые являются, с моей точки зрения, наиболее интересными и информативными. Вначале помещены ключевые для мемуаристики Бурнашева очерки о литературных салонах, а далее они даны в хронологическом порядке описываемых событий» (с. 21).

«Воспоминания петербургского старожила» предваряет автобиографический очерк «Мой литературный формуляр и нечто вроде *acquisit de conscience*: кто такой в литературной петербургской братии Владимир Петрович Бурнашев», публикуемый по полному тексту из личного фонда Бурнашева в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Ранее он был напечатан в пятом номере «Исторического вестника» за 1888 год с преамбулой Н. С. Лескова, наиболее важные отрывки из которой воспроизведены составителем в комментариях.

Сами тексты воспоминаний печатаются по первой либо наиболее полной публикации, часть из них — по рукописным или авторизованным источникам. Мемуарные миниатюры, подаренные или проданные Бурнашевым Лескову, в том числе записка о Е. Ф. Канкрине, его анекдоты, которые он планировал включить в сборник, подготовленный для издателя Вольфа, план очерка «Четверги у Н. И. Греча» и его фрагмент, исключенный при публикации в журнале «Заря», развернутая «заявка» 1873 года на мемуарную книгу «Петербургские редакции и редакторы былого времени», составившие раздел «Приложение», печатаются исключительно по архивным материалам.

Особо хочется остановиться на разделе «Комментарии». По своему объему он составляет почти треть часть второго тома (157 страниц) и насыщен библиографическими, архивными, биографическими и мемуарными материалами. Примечания являют собой полноценный

исследовательский текст, параллельный авторскому. Они дают возможность «исправить» ошибки и неточности мемуариста; показать адекватную картину описываемых событий и составить верное представление о том или ином герое мемуаров.

Раздел дополняют краткая хроника жизни и творчества Бурнашева, библиографический список его публикаций, указатель периодических изданий, встречающихся в текстах воспоминаний, объемный (73 страницы) аннотированный указатель имен.

Удачно оформление обложки издания, в котором использованы передающие атмосферу старого Петербурга фрагменты гравюр Г. Качалова из книги «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших оного проспектов, изданный трудами Император-

ской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» (1753), Оррина Смита (1856), Андре Дюрана из альбома «Voyage pittoresque et archéologique en Russie» (1839), фрагменты иллюстрации неизвестного автора из книги «Императорская публичная библиотека за сто лет. 1893–1914» (СПб., 1914).

«Воспоминания петербургского старожила» дают нам возможность совершить уникальное путешествие по старому Петербургу: познакомиться с анекдотами и слухами, распространяемыми в русском обществе второй половины XIX века, побывать в гостях на балах и в литературных салонах, узнать о кулинарных пристрастиях и подробностях быта современников мемуариста. Они воскрешают тот неповторимый «дух мелочей», который делает давно ушедшее живым, ярким и доступным.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-265-266

© С. А. Дубровская, © О. Е. Осовский

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТЕРМИНАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАРРАТОЛОГИИ*

Последние десятилетия в России отмечены появлением немалого числа словарей и справочников литературоведческих терминов и понятий. Недавно появившийся «Тезаурус исторической нарратологии» привлекает особое внимание не только инновационным характером своей проблематики, но и выбором своего материала — русской литературы. Экспериментальный характер издания отмечен уже в его подзаголовке, а определение исторической нарратологии дано в аннотации: «новейшее ответвление „нарратологического поворота“ в гуманитарных науках» (с. 2).

Как указывает редактор тезауруса известный российский литературовед, один из основателей отечественной нарратологии профессор В. И. Тюпа, книга созвучна общеевропейскому тренду на создание справочных изданий по исторической нарратологии и перекликается с недавними работами известного немецкого нарратолога В. Шмида (с. 5).

Следует сразу сказать, что идея выстроить подобный словарь на материале российской словесности представляется крайне удачной. Не секрет, что в течение длительного времени нарратология в России воспринималась как закрытая научная субкультура, прежде всего работавшая с теоретическим, а не конкретно-историческим материалом и обсуждавшая проблемы, казавшиеся далекими, к примеру, «чистым» историкам литературы. Видимо,

именно это имеет в виду В. И. Тюпа, когда пишет: «Нарратология долгое время оставалась сугубо теоретической, до известной степени схоластической дисциплиной» (с. 4).

Само соединение нарратологии как науки, имеющей отчетливые западные корни, и русской словесности — достаточно сложный эксперимент, равно как и любая попытка проиллюстрировать теорию материалом одной литературы. Здесь возникают вполне понятные трудности, и в этом, возможно, самое уязвимое место предлагаемого издания: лишившаяся значительной части своего мирового контекста, отечественная словесность оказывается в невольной изоляции. Соответственно, иллюстрация тех или иных терминов примерами из русского сентиментализма или романтизма (абсолютно верных, точных и уместных) кому-то может показаться недостаточной, поскольку для реального русско-европейского диалога и взаимодействия в формировании тех или иных типов повествования, жанровых форм и т. п. места просто не остается. Так, на наш взгляд, размышления о «потоке сознания» у Л. Н. Толстого и Саши Соколова кажутся неполными без упоминания Дж. Джойса или М. Пруста. Но отметим сразу, что это не вина авторов, а следствие взятых на себя ограничений, что никоим образом не сказывается на общей значимости сделанного исследовательским коллективом.

Нет сомнений, что актуализация диахронического подхода в общих границах нарратологии значительно увеличивает ее возможности, а включение в арсенал этой науки этической составляющей, что для В. И. Тюпы

* Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): Экспериментальный словарь / Под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. 316 с.